

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Хрестоматия
по политической антропологии

Том 2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ТУРКМЕН (XIX–XX вв.)*

До присоединения к России Туркмения представляла собой модель традиционной политической культуры (ТПК), в которой процесс формирования верховной власти племенного вождя окончательно не завершился. Уже из первых докладов военных и гражданских чиновников, столкнувшихся с традиционной системой управления, становится очевидным, что институт ханской (т. е. племенной) власти в качестве возможного инструмента политики косвенного управления России в Туркмении рассматривается как весьма проблематичный. Так, в частности, полковник Генштаба Мельницкий писал: «Должен заметить, однако, что ни история, ни общественный строй туркмен, вполне демократический, в котором личность каждого туркмена вполне самостоятельна, и где нет вовсе условий, способствующих подчинению одних членов общины другими, не позволяют установить в будущем на долгое время должность ханов, тем более наследственную, и создавать таким образом местную аристократию или эксплуатировать под покровом русской власти» [22, с. 121].

Не углубляясь далее в вопросы, связанные с племенной властью, отметим, что возвышение хана проходило, как правило, в период угрозы извне, когда выполнение военной функции требовало сосредоточения в одних руках дополнительных полномочий. В статье внимание в первую очередь будет уделено институту власти на уровне селения (*оба*) и родовых подразделений (*тире*, *уру*). Управление на этом политическом уровне осуществлялось старейшинами — полномочными представителями своих родовых формирований. Говоря об институте старейшин, следует дать хотя бы общую характеристику возрастной периодизации, принятой у туркмен. В настоящее время ее схема, составленная на основе полевого материала, выглядит следующим об-

* Этнические аспекты власти / Под ред. В. В. Бочарова. СПб: Изд-во СПбГУ, 1995 (печатается с изменениями и сокращениями)

© Ю. М. Ботяков, 2007

разом: *бебек* — ребенок до двух лет; *оглан* — мальчик 6–12 лет; *етгин-джек* — 12–16(18) лет; *джагыл* — 18–25 лет; *иигит* — 25–40 лет; *орта* яш — 40–60 лет; *годжа* — от 60 лет и старше [7, с. 3, 6, 12; 9, с. 30].

Высшим законодательным органом туркменского общества был *маслахат* — совет старейшин. Приведем ряд характеристик, данных этому институту власти авторами XIX в., т.е. теми, кто одними из первых посетили Туркмению. «Муллы и выборные старшины, — писал К. Абаза, — не пользуются большой властью... Правят и судят в стране по обычаю, завещанному отцами, и никто не посмеет нарушить обычая» [1, с. 260]. Гиршфельд и Галкин также подчеркивали, что власть родовых старшин ограничивалась независимостью общинников [11, с. 62]. Правда, отмечал Мак-Гохан, «их старшины имеют некоторую номинальную власть разбирать ссоры, но они не имеют силы заставить повиноваться своим решениям. Враждебные стороны могут по собственному желанию или подчиняться этому решению, или же продолжать ссору, разделяваясь по-своему. Тем не менее своеобразные понятия о правом и неправом так сильно развиты в среде их и общественное мнение так уважает эти понятия, что между ними редко происходят ссоры и несогласия» [20, с. 258]. Тем самым «отсутствие власти» у старейшин, неоднократно отмечавшееся в отчетах и заметках авторов прошлого века, означало лишь, как это явствует из материалов, наличие организации управления общины, основанной на совершенно иных принципах, нежели европейская политическая модель. Для старейшин роль хранителей обычного права (*адата*), толкователей его, оказывалась необходимой и достаточной для того, чтобы поддерживать функционирование общины как жизнеспособной системы.

В XIX в. половозрастная стратификация продолжает сохранять как один из важнейших механизмов, регулирующих внутреннюю жизнь туркменской общины. Биологический возраст являлся важным критерием при переходе человека в возрастную группу *годжа* (*аксакалы*). И. Ф. Бларамберг, в частности, писал о главах отдельных родовых групп, что «они избираются всем племенем и притом из старших и опытейших людей» [3, с. 109]. В то же время реальный, биологический возраст уже не являлся единственным условием при выдвижении на роль представителя рода или *оба* (селение). Сосуществование принципа биологического и социального возрастов принимало порой сложные формы, которые тем не менее в реальной жизни не вступали друг с другом в неразрешимое противоречие. Примером сказанному может служить описание *маслахата*, созданного для решения вопроса о присоединении Мерва к России. «Среди 15-ти старейшин, собравшихся на собрание, был 25-летний *векильского* рода Махтум-Кули-хан, посаженный на почетное место, и 18-летний глава родов Бахши и Сычмаз

Майлы-хан, не проронивший ни слова. От его лица говорил один из авторитетных представителей этого рода» [24, с. 456]. В дальнейшем Майлы-хан прислал письмо представителю русской военной миссии в Мерве «в котором извинялся, что по молодости лет не говорил на маслахате» [Там же, с. 464].

Безусловно, наиболее быстрый путь продвижения к власти лидера родовой общины предоставляла военная сфера. Слава смелого *аламан-щика* («аламан» — военный набег), а в дальнейшем удачливого предводителя — *сердара* существенно облегчала выдвижение в старейшины [16, с. 1].

В числе факторов, облегчающих продвижение к власти, было богатство. Помощь бая зерном для посева или скотом, как правило, расщедоточивалась внутри замкнутого круга сородичей. В равной степени и бай были заинтересованы в помощи сородичей. Классическим примером такой помощи может являться *евар* (русс. «помощь»). Как правило, баям оказывали помощь в уборке урожая, стрижке овец и других работах, требующих привлечения большого количества рабочих рук. Это центральное положение бая в экономике естественным образом выдвигало его на первые роли в общине.

У туркмен не сложилось системы наследственной власти, но в то же время нередкими были случаи, когда выдвижение старейшины напрямую было связано с тем обстоятельством, что в ближайшем роду претендента были старейшины и военные вожди.

Среди старейшин оба наибольшую роль играли представители крупных и, как следствие этого, сильных родов. По воспоминаниям жителя Иолотанского района Марыйской области (в настоящее время Марыйский вelayat) — территории компактного заселения туркмен-сарыков, выбор *арчина* (главы одноименной административно-территориальной единицы) был заранее предreshен. Претендента выбирали собравшиеся главы домохозяйств. При этом голосование проходило путем поднятия пальца. И по образному выражению очевидца этих событий, побеждал тот род, у «кого больше было пальцев» [6, с. 31]. Естественно, что в дальнейшем интересы именно этой родовой группы ставились во главу угла за счет некоторого ущемления прав более слабых родов, проживавших в этом селении. Эта тенденция отчетливо прослеживалась до конца 80-х — начала 90-е гг. XX в. Так, председатель колхоза, как правило, был представителем самого многочисленного рода, проживающего в оба. Его поддержка сородичам могла выражаться, в частности, в оказании помощи при занятии ими престижных мест в колхозной администрации.

Согласно замечанию одного из авторов конца XIX в., одним из основных принципов обычного права туркмен было «признание права сильного» [23, с. 2]. Представляется, что подобное заявление не лише-

но оснований. Безусловно, сильный род в немалой степени создавал основу этого права, но положение лидера зависело также и от его личностных качеств. В этой связи большой интерес вызывает следующая информация о мирабах Ахала, «они вооружались холодным и огнестрельным оружием и имели от общества наказ: 1) Каждый мираб обязан постараться взять больше своей доли воды. 2) Драться за воду, завоевать первенство, быть первым мирабом среди остальных, проявить героизм, не останавливаться ни перед чем, вплоть до убийства, жертвуя и собой» [7, с. 11].

Примером сказанному может служить история одного из типичных конфликтов, имевших место в конце XIX в. в Ахале. Пользуясь своим положением главы самого крупного в оба Кара-Геокча рода Бамылы, старейшина Мамед-Дурды позволил своим сородичам пользоваться водой в двух местах, что являлось нарушением адата в данной местности. В ответ на протест аксакалов мелких родов Мамед-Дурды самовластно лишает своих противников доступа к воде, перекрыв арык. Последние, объединившись под предводительством старейшины Нури-хана, с оружием в руках выступили против лидера сильного рода [19, с. 4]. Конфликт удалось погасить благодаря посреднической деятельности аксакалов и представителей родовой группы ходжа, к помощи которых прибег сам Мамед-Дурды. В результате такой борьбы, окончившейся победой малочисленных родов, авторитет Нури-хана вырос настолько, что именно он стал аксакалом всего оба Кара-Геокча [19, с. 5].

Волевые качества характера, поступки, совершаемые незаурядными личностями, выделяли их из общего ряда соплеменников, выдвигая на ведущие роли в общине. Часто этот процесс принимал формы, казалось бы, не совместимые с нормами обычного права. Так, согласно информации, полученной нами в районе Западной Туркмении, во время казахо-йомудского конфликта в 1920 г. в ходе ответного нападения отряд туркмен отогнал скот у казахов-адаевцев. Отрядом также было уведено до трех десятков пленных. Казахская делегация аксакалов договаривалась с представителями йомудских родов о возвращении пленных и скота. В момент передачи пленных в присутствии делегации казахов и йомудских аксакалов предводитель набега похитил пленницу-казашку и скрылся с ней на коне. Посредничество туркменского ахуна, пользовавшегося, по словам информаторов, всеобщим уважением, результатов не принесло. Руководитель аламана пригрозил убить догнавшего его ахуна, направив на него ружье. В дальнейшем пленница была возвращена, а сам похититель продолжал жить в своем оба, не только не понеся какого-либо наказания, но, напротив, своими действиями значительно укрепив свой авторитет среди сородичей [5, с. 11].

В тот же период обострения казахско-туркменских отношений на Мангышлаке был организован аг-ойли (передовая застава, букв. «белый дом»), призванный оградить туркменские кочевья от нападений адаевцев [Там же, с. 10]. Руководителем аг-ойли был избран человек, пользовавшийся всеобщим уважением среди многих йомудских родов, проживавших в этой местности. При этом, характеризуя его, информаторы особо подчеркивали, что в прошлом этот предводитель убил своего родного брата, поссорившись с ним из-за собаки. [Там же, с. 11] Подобный поступок, при всех его крайних формах, тем не менее укладывается в общий контекст представления общества о лидерах с волевым началом, потребность в которых общество, безусловно, испытывало. Сам конфликт позволял претенденту на роль лидера доказать свою социальную значимость и выйти из общего ряда соплеменников.

Видимо, не будет ошибкой считать, что ТПК Туркмении строилась на определенной оппозиции между советом старейшин — хранителей норм адат, и военными лидерами, стремившимися проводить самостоятельную линию поведения и олицетворявших активное начало. Не следует забывать, что именно военные лидеры являлись представителями слоя мужской молодежи — *джагылов-игитов*. Конфликт тем самым носил характер межпоколенных отношений. В дальнейшем именно за счет этих лидеров и пополнялся совет старейшин. В целом же оппозиция «консервативного» и «прогрессивного» начал не носила антагонистического характера и конфликт разрешался посредством компромисса.

Стремление к социальной значимости и отсутствие в ТПК институтов, гарантирующих лидеру стабильное положение, создавало благоприятную почву для активного участия их в системе политической культуры иноэтничных государственных структур. Так, во время посещения капитаном В. Копытовским в конце XIX в. Мангышлака им был встречен «некто Мамбет-берды-бек, человек знатный и бывший, надо полагать, одно время старшиною, сильно кичившийся недавно полученным от хивинского хана титулом бека...» [2, с. 2].

Точно так же один из лидеров текинского племени Векиль Мурад-хан «дружился с Мамед-яр-ханом в Иране... Этим Мурад-хан завоевал авторитет среди населения как друг хана, как человек, имеющий связи с Ираном, и в то же время был аксакалом рода» [16, с. 10]. Союз старейшин йомудов с Хивинским ханом или эрсаринских аксакалов с Бухарским эмиром позволял им упрочивать свои позиции в структуре ТПК. Ситуация не изменилась и после присоединения Туркмении к России. Тесный контакт старейшин с колониально-бюрократическим аппаратом государства, силой оружия присоединившего Туркмению, казалось бы, должен был оттолкнуть от них население. На деле ситуация была обратной. Примером тому может служить следующая ха-

рактеристика, данная Кадыр-хану, одному из влиятельных йомудских старейшин. «Он служил несколько лет тому назад ханом на Астрабадской морской станции. Обладая большою частью острова Челикена, имея громадные стада овец и лошадей. . . имея верных лазутчиков, он знал, когда и в каком месте туркмены выходили на кулахсах делать набег, и сейчас же давал знать начальнику станции. . . храбрый и честный Кадыр-хан завоевал себе уважение туркмен и сделался настолько популярен, что из самых отдаленных аулов туркмены приезжали к нему на остров и безапелляционно отдавали себя на его суд» [27, с. 1].

Если старейшины и являлись инструментом политики косвенного управления России в Туркмении, то в неменьшей степени тем же инструментом укрепления влияния старейшин в местной среде становился аппарат колониальной власти. И в дальнейшем лидеры ТПК весьма успешно использовали формы ПК России. Так, Г. Карпов, в 1920–30-х гг., занимавший видные посты в советских и партийных органах Туркмении, отмечал следующее: «В практике советских, партийных и общественных организаций в ауле приходилось неоднократно отмечать факты построения аульных организаций по родовому принципу: аулсовет объединял, например, один род, партиячейка «принадлежала» другому роду, ЛКСМ или союз бедноты — третьему (аулы Аннау, Багир, Янги-Кала и др.). В период развернутого колхозного строительства в некоторых районах артели и товарищества строились вначале тоже по родовому признаку. . . то же самое приходилось наблюдать и во время проведения земреформы, кредитования, выдачи семенной ссуды и т. д. Всюду и везде родовой признак имел немаловажное значение, разумеется, во всех случаях тормозящее разрешение проводившихся в ауле политических и хозяйственных мероприятий» [21, с. 1]. Это использование новых политических форм носило повсеместный характер.

Приведенные выше материалы нельзя рассматривать как пример первоначального этапа взаимодействия новых политических структур и ТПК. Не следует забывать, что ТПК Туркмении уже не одно столетие до появления советской власти контактировала с иноэтничными институтами власти. Ю. Э. Брегель писал, что с «появлением в пределах Хивинского ханства старшины, становясь хивинскими должностными лицами, приобретали новую административную функцию: сбор налогов, “и тем самым” получали новое, очень важное средство эксплуатации своих соплеменников» [10, с. 153]. Еще большую роль в укреплении власти родовых старейшин сыграло то, что они стали ответственны за поставки нукеров в хивинское войско. Старейшины, возглавлявшие отряды племенного хана, получали военные звания и награды [Там же, с. 160]. При том, что положение “главных” старшин получило официальную санкцию и поддержку хивинских властей, да-

же самые влиятельные представители родовой знати не управляли своими родами единолично. У всех туркменских племен в XIX в. в большей или меньшей степени сохранились старые органы племенного самоуправления — так называемый *маслахат* или *генгеш* (собрание)» [Там же, с. 166].

С приходом России в Туркмению царская администрация использовала институт старейшин, придав этому органу власти не свойственные ему ранее черты законченной бюрократической иерархичности. Так, согласно параграфам 23 и 24 Временного положения об управлении Закаспийским краем, «волость заведывается волостным управлением, аул — аульным старшиной. В волостные управители и аульные старшины назначаются из туземцев по выбору начальства. На эти должности избираются лица благонадежные, распорядительные и по преимуществу имеющие между ордынцами влияние» [25, с. 94]. Назначение старшины сверху создавало дополнительные условия, способствующие обособлению его от остального слоя старейшин.

Тем не менее материалы ни XIX в., ни начала XX в., а также современные данные не дают оснований считать, что контакт с инородными политическими структурами разрушил ТПК как функционирующую систему. Безусловно, советская политическая культура оказалась наиболее ортодоксальной по духу и жесткой по методам ее внедрения из всех тех, с которыми приходилось до этого столкнуться туркменскому обществу. В ходе такого контакта ТПК могла утратить свои отдельные звенья, и поэтому речь может идти не о вытеснении одной ПК другой, а о высокой степени адаптации ТПК к новым условиям. В ряде случаев адаптация эта мало чем отличается от элементарной конспирации перед угрозой извне. В частности, это проявлялось в тех случаях, когда речь шла об искоренении «вредных традиций» (известно, что чисто оценочный подход к традициям был практически единственным в работе официальных структур власти).

Один из наших информаторов сообщал, что в период его работы в райкоме партии ему пришлось однажды с интервалом в несколько дней сначала прослушать доклад секретаря райкома об итогах борьбы с выплатой калыма, а затем доставить ночью калым во двор этого же руководителя. Аналогично складывалась ситуация с проведением обряда обрезания (*сунет*) в семьях советских и партийных работников Туркмении. В разгар очередной кампании против *сунета* проведение этого обряда могло повлечь за собой исключение из КПСС. Тем не менее, по единодушному убеждению жителей туркменских сел, не было ни одного партийного работника, который пренебрег бы проведением *сунета* по отношению к своему сыну. Обычно события развивались по следующей схеме. Проведение *сунета* приурочивали ко времени отъезда главы семейства в длительную командировку, например

в Москву. Во время отсутствия отца приезжала какая-либо пожилая родственница из села и увозила мальчика с собой. Таким образом, в случае огласки «вина» перекладывалась на «политически отсталую» родню.

Современный аксакал руководит небольшой группой семей, во главе которых, в свою очередь, стоят его женатые сыновья. Как правило, эти семьи стараются жить по соседству, образуя в случае необходимости, например при выполнении внутрисемейных хозяйственных работ, единое целое. Из числа таких старейшин, по традиции, выделяются лица, являющиеся полномочными представителями определенной родовой группы. Критерии, принимаемые при выдвижении в лидеры родовой группы, остаются прежними. И сейчас биологический возраст продолжает оставаться важным, хотя далеко не единственным условием для приобретения статуса старейшины.

Один из жителей Тахта-Базарского района Марыйской области в период нашей там работы являлся старейшиной родовой группы, компактно проживающей в одном из оба данного района. Свое продвижение он объяснял тем, что его отец долгие годы являлся старейшиной и зарекомендовал себя среди сородичей с наилучшей стороны. Аксакалы тире решили, что и теперь место старейшины должен занять сын человека, оставившего по себе память образцового руководителя общины. Однако, помимо очевидного факта наследования полномочий главы тире, существовали и другие обстоятельства, повлиявшие на избрание его в старейшины оба. Речь идет о высоком социальном статусе, который приобрел этот человек благодаря своей деятельности. Свою трудовую биографию он начал в качестве школьного учителя, в дальнейшем перешел на партийную работу в райком партии, после чего вновь вернулся к преподавательской деятельности [6, с. 38]. Школьный учитель в Туркмении, как и в целом в Средней Азии, всегда имел высокий социальный статус. До недавнего времени учителя, как правило мужчины, оставались наиболее высокооплачиваемой частью сельского населения. Что касается работы в райкоме партии, основной структурной единицы власти на местах, то она еще больше повысила рейтинг нашего информатора.

Аналогичным образом складывалась «карьер» и у сельского муллы одного из колхозов Красноводской области (в настоящее время Балканский велаят). В период коллективизации этот человек возглавлял борьбу с религиозной идеологией в своем оба, и в дальнейшем его работа была связана с пропагандой атеизма. По прошествии многих лет, выйдя на пенсию, он становится муллой и занимает одно из ключевых мест в структуре власти сельской общины [7, с. 57]. Подобное изменение, произошедшее с политическим активистом, парадоксально лишь в том случае, если не принять во внимание факт ориентации

лидеров из официальных структур власти на традиционную систему ценностей.

До конца 80-е гг. мулла в условиях Туркмении был лицом, не имевшим специального конфессионального образования, т. е. такой мулла не был компетентен во многих положениях шариата. Основная функция его — руководить проведением обрядовых действий. Как правило, мулла — знаток норм адата, человек эрудированный в различных вопросах традиционного быта. Занимая положение религиозного лидера, мулла становится одной из центральных фигур группы аксакалов, ибо обрядовая функция — основная этой возрастной группы.

Обряды, связанные с важнейшими переходными этапами жизни человека — рождением, обрезанием, свадьбой, похоронами, — продолжают оставаться ключевыми событиями в жизни туркменской общины. Именно в организации этих мероприятий община реализует себя, собственно, как единое целое, а присутствие старейшин является юридическим закреплением совершаемого обрядового действия.

Говоря о свадьбе, следует особо остановиться на такой центральной фигуре этого события, как *той баши* (глава, руководитель свадьбы). В каждом оба есть несколько человек, имеющих соответствующий опыт в организации этого наиболее крупномасштабного действия, в котором принимают участие до нескольких сотен человек. Обычно полномочия распорядителя свадьбы вручаются *той баши* на *генгеш-то*е — собрании накануне свадьбы, где собираются представители родовой группы жениха и где принимаются решения по обеспечению и проведению свадьбы. Неудачно организованная свадьба может привести к тому, что в дальнейшем к услугам этого *той баши* больше не обратятся, что может привести к значительной утрате им бывшего авторитета в общине. Как отметил информатор, лучше никогда не быть *той баши*, чем не быть вновь избранным на это место [8, с. 21]. Занимая ключевое положение в обрядовой сфере, *той баши* приобретает влияние, позволяющее ему стать одной из ключевых фигур своей родовой группы и всего оба в целом.

Особо следует остановиться также на погребально-поминальной обрядности. В Туркмении нет иной формы погребальной обрядности, кроме традиционной, соответствующей нормам шариата. Здесь роль старейшин, их участие в событии имеют, пожалуй, еще большее значение, нежели при проведении свадьбы. Ритуальная сторона обряда неукоснительно соблюдается, и в глазах населения недопустимо отступление от правил.

Велика роль аксакалов и в сфере урегулирования межобщинных конфликтов.

Взаимоотношение совета старейшин и местных органов власти обуславливалось рядом специфических особенностей. Одним из важных

обстоятельств являлось то, что представители местных советских и партийных органов сами входили в состав той или иной сельской общины. Часто это касалось не только, например, парторга колхоза, председателя сельсовета, но также и некоторых работников райкома, работавших в райцентре, но проживавших в селе. Во время нашего пребывания в одном из колхозов Тахта-Базарского района парторг устроил *евар*, т. е. он обратился к своим сверстникам с просьбой о помощи в постройке нового дома. Парторг выступал здесь как член общины, прибегший к услугам одного из ее институтов, а именно соседской взаимопомощи. В данном случае мы имеем дело с одной из тех традиций, поддержание которых официальной властью приветствовалось или же не возбранялось. Но поскольку все звенья структуры внутриобщинных отношений взаимосвязаны, человек, прибегавший к ее услугам, должен был соблюдать целый ряд традиционных установок, в том числе и тех, которые уже могли не совпасть с признаваемыми официально.

Факт существования традиционных институтов управления не оставался без внимания официальных органов власти. Привлечение совета старейшин проходило на различных уровнях и в различных сферах общественной жизни. Например, обращение к услугам этого органа самоуправления было удобно тогда, когда конфликт, в том числе в сфере производства, по ряду причин невозможно было разрешить официальным путем.

Взаимоотношение между общиной в лице аксакалов и функционерами официальных органов власти складывалось далеко не бесконфликтно, особенно в сфере, связанной с отправлением культа. Функция контроля над исполнением обрядов, возложенная на возрастную группу аксакалов, толкала к исламу людей, ранее далеких от религиозной жизни. Можно сказать, что обращение старейшин к исламу носило и носит, если можно так сказать, обязательный характер. Но, как и раньше, конфликт между аксакалами и представителями власти — это не конфликт старого и нового, а противостояние лидеров, вождей и аксакалов. Речь может идти не о глубоких противоречиях, а о традиционной оппозиции лидеров и аксакалов в рамках ТПК. Полная обособленность лидеров от общины невозможна, во-первых, в силу того, что по-прежнему сохраняется ориентация на традиционную культуру и, во-вторых, туркменское общество продолжает сохранять «обратную связь» с лидерами, вышедшими из его среды, так как оно остается замкнутым.

Одним из традиционных способов отстаивания обществом своих интересов был уход части населения с ранее занимаемой территории на новое место обитания. Метод этот, хоть и редко практикуемый, достаточно четко фиксируется. Здесь можно упомянуть откочевку йомудских родов из Хорезма в район песков в период прихода русского

«экспедиционного отряда в Хивинское ханство. При этом йомуды к тому времени имели уже достаточно долгую традицию оседлой жизни [25, с. 66].

В письме сельского общества Ходжа-кала командующему войсками Закаспийской области от 12 ноября 1882 г. говорилось, что со стороны каахкинского старшины было допущено нарушение при назначении в это селение старшиной некоего Нур-Гасан-Ходжи, который, с точки зрения жителей, не имел никаких прав на это место. Далее в прошении отмечалось следующее: «Нашим потомственным старшиной был Зарбахам-ходжа, которым мы очень довольны и просим оставить старшиною. Если вы не оставите его, мы, жители, переселимся в другие места» [28, с. 10].

Особенно частым этот прием становится в период гражданской войны. По многочисленным утверждениям информаторов, по крайней мере, треть жителей Карабекауля откочевала на территорию Афганистана [8, с. 15]. Вместе с Джунаид-ханом уходит в Иран практически все тире джунаид [5, с. 29]. Уход населения в период гражданской войны принял форму политической эмиграции и проявился в максимальных масштабах.

Подобные активные формы бойкота, предпринимаемые общиной, можно рассматривать как одно из наиболее действенных средств, к которым прибегали в ситуации, когда противная сторона находила опору вне структуры ТПК или представляла собой иную родовую группу. Безусловно, в исторически недавнем прошлом метод этот, как и все сильные средства, реализовался лишь в исключительных ситуациях. Тем не менее наш информатор сообщал, что в одном из колхозов Ташаузской области (в настоящее время Дашхувузский велаят) в 1971 г. конфликт председателя колхоза и бригадира привел к подобным последствиям. Бригадир, опираясь на солидарность своей родовой группы, договорился с председателем соседнего колхоза о переселении. Были подготовлены транспорт для людей и тракторные тележки для перевозки имущества. И лишь благодаря вовремя полученной информации председателю удалось остановить это переселение [8, с. 21].

Пожалуй, одним из самых действенных механизмов самоуправления общины продолжает оставаться институт общественного мнения. В своем классическом варианте институт общественного мнения предстает в событиях, описанных Н. Н. Йомудским, оставившим ряд подробных характеристик быта туркмен конца XIX — начала XX в. В частности, он приводит случай из судебной практики, когда один из членов съезда народных судей пожелал дать присягу в подтверждение невиновности своего сына, обвиняемого в краже скота. Следует отметить, что присяге туркмены придавали исключительное значение

и рассматривали ее как неопровержимое доказательство правдивости слов присягнувшего. В практике судопроизводства отсутствовали случаи лжесвидетельства туркмен. В то же время сама дача присяги считалась делом нежелательным, роняющим тень на человека, ее дающего, даже в том случае, если он абсолютно прав. Отсюда крайне редкими были случаи, когда туркмены обращались к этому способу доказательства своей правоты. В описываемом случае присяга давалась в защиту человека, пользовавшегося плохой репутацией, при обстоятельствах дела, практически доказывавших его вину. Истец отклонил предложение его отца дать клятву, щадя человека, до этого пользовавшегося уважением в среде одноаульцев. После этого общественное мнение немедленно «заклеймило Сердара, и существование его стало жалким. Э. К. Сердар занимал довольно видный пост в русско-туземной администрации, и помимо желания пришлось его уволить, так как население относилось к нему презрительно, престиж его пал, и никто более не уважал его, оставить его на посту начальника не представлялось возможным» [15, с. 2].

Несоответствие сложившемуся стереотипу образа идеального лидера могло существенно ослабить позиции традиционного вождя или представителя официальной власти. Строго регламентировались манера поведения человека и его внешний вид. Показательна следующая рекомендация членам колониально-бюрократического аппарата, в которой подчеркивалось, что «назначать по наружной полиции чиновников дали плачевные результаты: народ их знать не хотел... И кавказец и текинец прежде всего “воины” и могут подчиняться только воину; сюртук без погон и фрак — положительно презираются...» [14, с. 2].

Переход в возрастную группу аксакалов чисто внешне фиксируется изменением одежды и внешнего вида в целом. И здесь отсутствие бороды воспринимается, пожалуй, наиболее болезненно. Следует вспомнить, что в целом для фольклора Средней Азии образ безбородого обманщика — это образ изгоя, человека вне общины, хотя часто он и выступает в роли защитника интересов бедных слоев населения. По всей вероятности, полное отсутствие волосяного покрова на лице в народном сознании связано с нарушением детородной функции. Таким образом, насмешки по поводу безбородости носят оскорбительный характер. Обвинение в безбородости могло быть доводом в тех случаях, когда нужно было дискредитировать противника, в том числе политического.

В этой связи интересен монолог одного из сторонников обороны Ахала, произнесенный им на маслахате: «Товарищи! Разве вы не знаете кто такой Мамед-Аталык? Это предатель туркменского народа. Он Хиву продал неверным, теперь пришел к нам и предлагает продать-

ся. Я не знаю, как он стал ханом? Вы посмотрите на его безбородую физиономию» [17, с. 10].

Другим примером подобного оскорбления является случай, произошедший на глазах нашего информатора. События эти имели место в районе проживания йомудов Хорезма примерно в 20–30-х гг. Во время тоя сын местного бая, молодой человек, вложил в бороду одного из стариков самодельное устройство типа вертушки, в результате чего волосы спутались настолько плотно, что пришлось отрезать бороду [9, с. 53]. Без всякого сомнения, оскорблению был подвергнут человек, социально не защищенный, и описанные выше действия лишь подтвердили его низкий общественный статус.

К причинам, влияющим на положение человека в обществе, можно отнести отсутствие у него детей. Согласно гекленской легенде, на тое, который устроил видный гекленский хан, гостей рассаживали в юрты, покрытые белыми, красными (из шерсти рыжих овец) и черными войлоками. В первые сажали тех, кто имел сыновей, во вторые дочерей, в третьи — не имевших детей [7, с. 78]. И в настоящее время при искреннем сочувствии к человеку, не имеющему детей, последнему редко удастся преодолеть то невыгодное представление, которое традиционно бытует у туркмен.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство, продолжающее в значительной степени влиять на социальный статус человека в обществе или, точнее, не дающее ему возможности приобрести высокий статус. Выше приводились слова обвинительной речи, произнесенной на маслахате в адрес хана Мамеда, в которой последнего оскорбили, назвав безбородым. По другой версии этих же событий, оскорбление звучало иначе. «Сейчас же поднимается с места аксакал из рода Букры, Анна-Ораз аксакал, и говорит: “У нас Букры, наши рабы не смеют говорить при своих боярах, а вы, господа сычмазцы, допустили вашего раба в лице хан-Мамеда...” Тут со всех концов зашумели люди и называли хан-Мамеда взяточником, продавцом, изменником и прямо заявили: “Этот нос похож на серп раба (намек на характерный, крупный нос персов, составляющих основной контингент невольников. — Ю. Б.), он Мамед Аталык, будучи в Хиве, продал Хиву неверным, а теперь, приехав сюда, он хочет продать и Ахал”» [16, с. 16]. Тем самым оскорбление в нечистокровности полностью дезавуировало этого политического деятеля. И в настоящее время нечистокровное происхождение может иметь самые серьезные последствия для человека при продвижении его к власти, о чем будет речь ниже.

До сих пор при изучении ТПК основное наше внимание было сосредоточено на рассмотрении механизмов внутриобщинного взаимодействия, где традиционное сельское общество выступает как единый

целостный организм. Тем не менее туркменское *оба*, естественно, не являлось аналогом родовой общины и в социальном отношении представляло сложный конгломерат различных групп.

Ведущее положение в общине играли так называемые *иг* — чистокровные туркмены. Именно они составляли группу первопоселенцев, как правило, силой оружия вытеснявшую население, ранее здесь проживавшее. Представителей этого слоя и их потомков называли *баяр*, которым и принадлежало неоспоримое право на воду и землю. Определенными привилегиями пользовались представители так называемых «святых» племен; *ходжа*, *ших*, *сейид*, *махтум*, *мюджевор*, составлявшие религиозно-социальную группу *овлат*, из среды которой главным образом и формировалось духовное сословие.

Сословные группы *гельмишек* (гельмек — приходить) и *гул* (раб) занимали подчиненное положение в общине. Представители слоя *гельмишек* могли быть и чистокровными туркменами, в том числе и соплеменниками первопоселенцев, но прибывшие на эту территорию позднее и в силу этого не имевшие прав на воду и землю. Как правило, *гельмишки* обрабатывали землю на правах аренды. Самым бесправным в общине было положение представителей группы *гул*, или *гулар*. Ее составляли пленники-персы, увезенные в Туркмению в ходе аламана, а также так называемые *арым* — дети от смешанных браков туркмен *иг* и рабынь — *гырнар*.

Обратимся к материалу, который как нельзя более информативно показывает взаимоотношения, сложившиеся между туркменами *баяр* и *гельмишек* в условиях новой политической системы. Осенью 1922 г. Г. Карпов был приглашен в гости председателем областного союза бедноты (*кошчи*) Байрамом Сахатовым. Когда Карпов приехал в оба Кеши, где жил Сахатов, ему было предложено «по пути заехать на приусадебный участок к одному дехканину бедняку, которого обижала соседка — вдова местного бая». Конфликт был связан с правами на землю. Вдова «при всех сказала, что ездила, ходила через усадьбу бедняка, будет и впредь ездить и ходить той же дорогой, так как бедняк захватил... дорогу и поселился на дороге, и что она своего не уступит, так как ее предки были в числе завоевателей аула Кеши, а этот бедняк пришел потом на готовое место» [18, с. 2].

С точки зрения обычного права вдова была абсолютно права, поэтому туркмен-гельмишек был бессилен что-либо сделать. Ему не смог помочь даже его друг, занимавший видный пост председателя *кошчи*, так как в силу вступили права, более важные, чем полномочия официальных органов советской власти. Поэтому председатель воспользовался единственной возможностью разрешить спор в пользу своего друга, а именно прибег к услугам властных структур, не имеющих отношения к ТПК. Карпов понял, что его знакомые решили «показать

одноаульцам и вдове, что они по любому случаю могут “притащить” из Ашхабада представителя облисполкома и “показать Кузькину мать” всем тем, кто встал им поперек дороги» [Там же].

Летом 1930 г. группа работников советских учреждений из Ашхабада, находясь на сельскохозяйственных работах в оба Кара-Дашак, обратила внимание, что непосредственно на поле работают 40–45 человек, в то время как число колхозников составляло 80–90 человек. На вопрос, заданный старику-колхознику, где находятся остальные, был получен следующий ответ: «Вы каждый раз на полях видите 40–45 человек — это конши (понятие, синонимичное гильмишек. — Ю. Б.), отсутствующие — баяр; они заняты другими делами: кто поехал на хлоп-завод за семенами, кто — в кооператив за товарами, кто — молоко продавать, бригадиры и т. д. Так у нас было и есть с давних пор» [17, с. 4].

Обладание привилегиями в экономической сфере позволило представителям группы баяр сосредоточить в своих руках всю полноту власти в общине, что и проявилось с полной очевидностью при распределении ролей в аппарате администрации колхоза. Встречу представителя ЦИК ТССР с колхозниками оба Багир, описание которой предлагается ниже, можно рассматривать как классический пример, иллюстрирующий положение дел, сложившееся в сфере управления. Интерес представляет следующее замечание партийного функционера: «Кроме того, в ваших аульных организациях на руководящих постах стоят исключительно “завоеватели”, а вот пришельцев и курдов нет ни в совете, ни в кооперации, ни в партийных организациях». На это замечание представитель центральной власти получил исчерпывающий ответ от председателя аулсовета: «“А вы, товарищ, разве не знаете, что, кроме завоевателей, все другие не имеют права выбирать, быть избранными и занимать ответственные посты. Они не наши, они пришедшие из других родов и аулов”. Дальнейшие разъяснения багирцы получили в райкоме партии» [17, с. 12].

Несложно представить, какие именно разъяснения получили в райкоме партии сохраняющие приверженность традиционным установкам багирцы. В дальнейшем жители Багира, так же как и других селений, составили исчерпывающее представление о новых институтах власти. Но это должно было привести не к изменению традиционных представлений, а, как уже ранее было отмечено, к более изощренным способам функционирования институтов ТПК в инородной политической среде. Об этом, в частности, свидетельствует расстановка руководящих кадров в оба Меджеур в 1936 г., где на посту председателя аулсовета был единственный в селении курд. Однако такое равноправие в сфере управления объясняет откровенное высказывание председателя этого же колхоза: «Мы нарочно избрали председателем аулсовета не из сво-

их, а курда. Вдруг случится (в работе аулсовета) какая беда — пусть сукин сын и отвечает» [17, с. 5].

Как уже ранее отмечалось, социальными аутсайдерами общины являлись представители тире гуллар, правовой статус которых примерно соответствовал положению иноплеменных пришлых жителей селения. При этом следует иметь в виду, что правовая дискриминация внешне могла и не проявляться в формах резкого антагонизма. Разница между гулом и чистокровным туркменом выражалась главным образом не в сфере повседневных взаимоотношений, а в жестком закреплении социально-правового статуса в общине.

В известной степени подобное положение сохраняется и до настоящего времени. Представители группы гуллар, как правило, проживают дисперсно в среде различных туркменских родовых групп и племен. В целом для всех туркменских племен характерно сохранение в той или иной степени обычая эндогамии. Еще в 70-х гг. XX в. в семье йомудов весть о том, что сын-студент собирается жениться на однокурснице-текинке, могла восприниматься негативно. Но у группы гуллар эндогамия соблюдается с наибольшей чистотой, так как представители других родовых групп никогда не дадут им невест [8, с. 52]. Один из наших информаторов сообщил, что в случаях, когда представитель тире гуллар занимает руководящий пост в структуре управления колхоза, что в принципе возможно, он начинает проводить, насколько это ему удастся, отчетливо выраженную протекционистскую политику, создавая себе опору из сородичей. Подобная линия поведения, в целом характерная для представителей всех тире, для выходцев из группы гуллар становится практически единственно возможным средством сохранить власть в своих руках в обстановке социального вакуума. При этом следует отметить, что возможность выдвижения представителей группы гуллар в общинной среде есть явление традиционное. К. Боде, один из первых европейцев, живших в среде туркмен, отмечал, что «хотя и случается, что гул бывает избираем предводителем в походах, он не может, однако, сочетаться браком с туркменкою чистой крови и должен довольствоваться женою, равною с собой происхождения или военнопленною» [4, с. 224]. В целом же представители тире гуллар вынуждены довольствоваться наименее престижными должностями.

Пожалуй, еще только группа овлат может сравниться с тире гуллар по степени соблюдаемой в наши дни эндогамии. В Средней Азии, и в Туркмении в частности, широкое распространение получили суфизм и его поздняя форма ишанизм — мистическое направление мусульманской религии [13, с. 81]. 208

Связь поведения и действий туркменских ишанов с близкими народными традициями прошлого — прежде всего пантеистическим обоготворением природы и шаманизмом — сделала их особо популярными сре-

ди населения [13, с.118]. Все представители религиозно-социальных групп овлат «считались номинально по отношению к основной массе окружающего населения ишанами и пользовались его уважением и определенными привилегиями» [Там же, с.111]. Представители группы овлат занимали совершенно особое положение в структуре ТПК Туркмении. Их участие в делах управления общины далеко не ограничивалось исполнением религиозно-обрядовой функции, что уже само по себе в условиях традиционного общества неотделимо от ТПК.

Трудно переоценить участие ишанов в законодательной деятельности, ни один маслахат не обходился без их присутствия. При этом степень авторитетности принятых решений напрямую зависела от того обстоятельства, насколько этот форум был представлен религиозными лидерами, пользовавшимися уважением среди населения. Точно так же все аламаны, организованные согласно нормам обычного права, в большинстве случаев получали благословение ишанов [6, с.13].

Степень включенности ишанов в структуру племенной власти могла носить и более непосредственный характер. Особенно это прослеживается на материале по йомудам, у которых во главе родовых подразделений очень часто становились представители религиозно-социальной группы [26, с.134].

Для группы овлат основной функцией в системе институтов власти и управления традиционно оставалась посредническая функция [9, с.10]. Как правило, представители религиозно-социальных групп проживали дисперсно в среде иных родовых групп и племен [9, с.12]. Существовала также ситуация, при которой «аулы тех туркменских родов, из среды которых выходили ишаны, располагались между враждующими племенами, например между гекленами и йомудами (аул Ходжа на Гюргене), между текинцами и йомудами (аул Джан-Ахыр близ Кизил-Арвата), между текинцами и йомудами (Бенджен, Ходжан-Кала и др.)» [12, с.2]. Представители групп ходжа, ших, сейид и т.д. не подвергались нападениям со стороны соседей, их скот и имущество не отбирались при проведении аламанов.

Роль посредника, традиционно закрепленная за тире ходжа и других из группы овлат, а также в целом положение, которое они занимали в структуре ТПК, естественным образом выдвигала представителей этих тире на первые роли и в аппарате колхозной администрации. Так, в одном из колхозов Кара-Бекаульского района в 1930 г. его председателем был избран Сюин-ходжа, а в дальнейшем его сменил Керим-ишан. В 1931 г. председателем избирают выходца из другой родовой группы — эрсары, но в это же время бригадирами двух колхозных бригад становятся представители овлат [9, с.21].

Самое непосредственное отношение представителей группы овлат к культовой сфере поставило их под сильный удар со стороны но-

вой политической системы. Как известно, именно в области идеологии компромисс достигался в наименьшей степени. Примерно с 1938 г. все выходцы из группы овлат снимаются со всех постов и подвергаются репрессиям. Нет оснований сомневаться, что с обращением туркменского общества, в том числе властных его структур, к институтам ТПК группа овлат со временем восстановит в полном объеме то пространство, которое она занимала в сфере управления и власти.

В итоге отметим некоторые положения, рассмотренные в статье.

1. Туркменская сельская община — доминирующий тип социального организма в республике — в силу своей замкнутости продолжает воспроизводить основные структуры ТПК.

2. При неизбежной внешней модификации институтов ТПК в целом прослеживается преемственность традиционных механизмов достижения и осуществления власти и управления, в том числе сохраняется «обратная связь» между лидером и коллективом.

3. Прослеживается отчетливая традиция использования туркменскими общественными лидерами новых политических институтов в качестве средства для достижения ведущих ролей в структуре ТПК.

4. Конфликт совета старейшин — ведущей структуры ТПК — с официальными лидерами не носит антагонистического характера, так как и те и другие ориентированы на традиционную систему ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаза К. К. Завоевание Туркестана. СПб., 1902.
2. Александров В. Поездка капитана В. Копытовского на Мангышлак в 1745 г. // Закаспийское обозрение. 1899. № 15.
3. Бларамберг И. Ф. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана. // Записки имп. Русск. Геогр. общества. СПб., 1850. Кн. IV.
4. Бодэ К. О туркменских поколениях ямудов и гокланих. // Записки имп. Русск. Геогр. общества. СПб., 1847. Кн. 11.
5. Ботяков Ю. М. Полевые материалы. 1982 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. К. Оп. 2. Дело.
6. Ботяков Ю. М. Полевые материалы. 1987 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. К. Оп. 2. Дело. 1517.
7. Ботяков Ю. М. Полевые материалы. 1988 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. К. Оп. 2. Дело. 1573.
8. Ботяков Ю. М. Полевые материалы. 1989 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. К. Оп. 2. Дело. 1641.
9. Ботяков Ю. М. Полевые материалы. 1989 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. К. Оп. 2. Дело. 1642.
10. Брегель Ю. Э. Хорезмские туркмены в XIX веке. М., 1961.
11. Гиршфельд, Галкин. Военно-статистическое описание хивинского оазиса. Ч. 11. Ташкент, 1902.
12. Давлетишин. Народный суд в Закаспийской области. // Закаспийское обозрение. № 151. Ашхабад, 1902.

- 13 Демидов С М История религиозных верований народов Туркменистана. Ашхабад, 1990
- 14 Закаспийское обозрение, № 100 Ашхабад, 1895
- 15 Йомудский Н Н Закаспийское обозрение, № 4 Ашхабад, 1910
- 16 Карпов Г И О туркменских ханах, сердарах, аксакалах, мирабах, джарчи и др у теке Ахала (по рассказам стариков) // Ашхабад, 1939 (рукопись)
- 17 Карпов Г И Этнографические этюды (маслахат в Геок-Тепе) Ашхабад, 1939 (Рукопись)
- 18 Карпов Г И О гостеприимстве у туркмен (Из личных наблюдений автора) Ашхабад, 1939 (Архив Центральной научной библиотеки Туркмении)
- 19 Карпов Г И О туркменских родах // Ашхабад, 1939 (Архив Центральной научной библиотеки Туркмении)
- 20 Мак Готан Военные действия на Оскусе и падение Хивы М , 1875
- 21 Материалы Г Карпова Ашхабад, 1939 (Архив Центральной научной библиотеки Туркмении)
- 22 Мельницкий, полк Генштаба Статистические данные о Закаспийской области по сведениям, собранным в 1886 г // Сборник геогр , топогр и стат материалов по Азии 1888 XXIX
- 23 Н Л Быт, нравы, обычаи и обычное право туркмен Закаспийской области // Закаспийское обозрение, № 108 Ашхабад, 1896
- 24 Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881-1885) // Туркестанские ведомости 1909 № 106
- 25 Россия и Туркмения в XIX в Ашхабад, 1946
- 26 Самойлович А Н Абу-с-Саттар-казы Книга рассказов о битвах текинцев Пг, 1914
- 27 У Кадыр-хана // Закаспийское обозрение, № 10 Ашхабад, 1901
- 28 ЦГА СССР Ф И-1 Оп 2 Дело № 14551

ЖС-373¹

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СБОРНИК
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
XLIII

ПАМЯТНИКИ
ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ
КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ,
КАЗАХСТАНА И КАВКАЗА

НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

Ю. М. Ботяков, В. Р. Янборисов

Холодное оружие туркмен

Военное дело народов Средней Азии и Казахстана является традиционным объектом этнографических исследований.¹ К широкому кругу вопросов, связанных с данной темой, относится и изучение холодного оружия Среднеазиатско-Казахстанского региона.² Туркменское холодное оружие в литературе специально еще не рассматривалось. Ценным источником при разработке данной проблематики могут послужить коллекции этнографических музеев Ленинграда — Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР и Государственного музея этнографии народов СССР, в которых холодное оружие туркмен представлено восемнадцатью предметами. К ним относятся две сабли с ножнами, застёжка от портупей ножен сабель, два ножа с ножнами, отдельные ножи и ножны для ножей, а также пика.

Начало комплектованию предметов холодного оружия туркмен было положено в конце XIX в. передачей в фонды МАЭ пика (№ 3113-9) из личной коллекции Н. И. Гродекова. Следующее поступление относится к 1901 г., когда в Мервском у. Закаспийской обл. С. М. Дудин приобрел для Этнографического отдела Русского музея (с 1934 г. — ГМЭ) текинскую саблю с ножнами (ГМЭ, кол. № 12-90), нож (№ 12-177) с ножнами (№ 12-178), а также узбекский нож (№ 12-60) с ножнами туркменского производства (№ 12-61). В 1902 г. из Закаспийской обл. в Этнографический отдел Русского музея поступил мужской костюм западных йомудов,³ частью которого являлся нож с ножнами (№ 187-5/аб) (ножны во время Великой Отечественной войны были утеряны). В 1926 г. А. Н. Самойлович передал в фонды МАЭ ножны от ножа (№ 3175-1), бытовавшие у туркмен Хивы. В 1936 г. во время командировки в Туркменскую ССР Б. К. Балакиным была приобретена сабля с ножнами (племенная принадлежность не установлена), поступившая в ГМЭ (№ 5910-125:аб). В 1956 г. ГМЭ

¹ Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов: (По историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») // Тр. Ин-та яз., лит. и истории Кирг. фил. АН СССР. 1944. Вып. 1; Беленицкий А. М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XVI вв. // Изв. Тадж. фил. АН СССР. 1949. № 15; Семенов А. А. Старый таджикский и персидский термин «хасак», его значение и вещественная форма // Там же; Троицкая А. Л. Военное дело в Бухаре в первой половине XIX в.: (По материалам Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. 1953. Т. 17; Мукминова Р. Г. Некоторые данные о термине «чухра» (по среднеазиатским источникам XVI в.) // Там же. 1960. Т. 120; Пулашов Ю., Мирхаликов А. К истории огнестрельного оружия в Средней Азии: (Из оружейных коллекций Музея) // Материалы по истории Узбекистана. Ташкент, 1963; Курылев В. П. Оружие казахов // СМАЭ. 1978. Т. 34; Давыдов А. С. К истории огнестрельного оружия в Средней Азии // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981; Бейбутова Р. А. О старокиргизских военно-административных терминах // Тюркологические исследования. Фрунзе, 1986; Ботяков Ю. М. Некоторые особенности традиционной военной организации северных туркмен: (на материале войска Хивинского хана) // Крат. содерж. докл. Среднеаз.-Кавк. чтений. Л., 1986.

² О туземном оружии в Туркестанском крае // Русский Туркестан. М., 1972. Вып. 2; Семенов А. Два слова о ковке среднеазиатского оружия // Живая старина. СПб., 1909. Вып. 2—3, отд. 1—2; Дубов А. И. Производство традиционных ножей в некоторых районах Средней Азии // Полевые исследования Ин-та этнографии. 1974. М., 1975.

³ По определению А. С. Морозовой.

приобрел у жителя Ленинграда Н. Д. Блинова застежки ремней портупей сабли (№ 6847-6:аб). В 1984 г. в ГМЭ поступили нож и ножны (№ 10594-35/1—2), приобретенные Ю. А. Яковлевым у текинцев Ашхабадской обл. Туркменской ССР. Наконец, в 1987 г. в г. Мары и Кушкинском р-не Марыйской обл. Туркменской ССР В. Р. Янборисовым были приобретены для ГМЭ соответственно текинский и три сарыкских ножа.

Имеющиеся в литературе сведения, а также полевые материалы авторов 1984 и 1987 гг. позволяют утверждать, что сравнительно небольшое количество

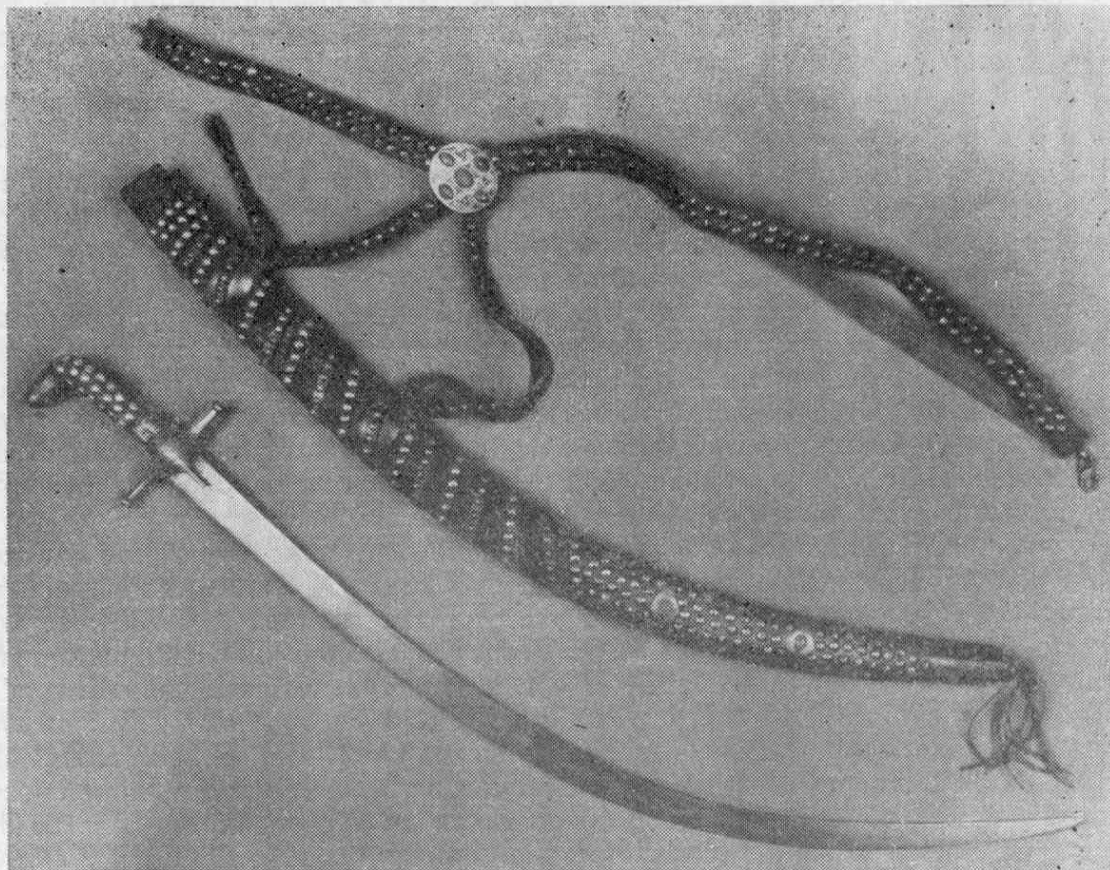

Рис. 1. Сабля с ножнами туркмен-текинцев (ГМЭ, № 12-90).

рассматриваемых предметов практически полностью отражает комплекс холодного оружия, традиционно бытовавший у туркмен.

Согласно одной из принятых в оружиеведении классификаций холодное оружие делится на три группы: белое, древковое и ударное.⁴ Туркменское холодное оружие представлено в коллекциях МАЭ и ГМЭ первыми двумя группами (ударное оружие (топоры, палицы, чеканы и т. п.) в XIX в. для туркмен не было характерно). К первой группе относятся сабли и ножи. Рассматриваемые образцы туркменских сабель (*гылыч*) (ГМЭ, № 12-90; 5910-125:аб) однотипны. Клинки сабель стальные (*пулат*), кованые, однолезвийные, в сечении подтреугольные, от пяты до середины практически прямые, с изгибом к острию. Отсутствуют отработанная режущая кромка, елмани, долы. Декоративное оформление на клинках также отсутствует. Рукояти сабель (*тутай*) образованы двумя железными (*демир*) полосами, скрепленными по бокам деревянными обтянутыми кожей (ГМЭ, № 12-90) (рис. 1) или костяными с железной заклепкой (ГМЭ, № 5910-125 : а) накладками. Железные головки рукоятей с заклепкой расположены перпендикулярно по отношению к вертикальной оси рукоятей. Перекрестья и крестовины железные прямые. Черенки клинков фиксируются в рукоятях пастой (?) и обмоткой серебряной проволокой (*сим*) у основания

⁴ Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие XI—XIX вв. М., 1953.

крестовин. Длина лезвия сабли № 12-90 — 97 см; общая длина сабли в ножнах (№ 5910-125:а, б) 105, длина рукояти с крестовиной 16,5 см.

Ножны сабель (кеин; *гылычын ганы*) деревянные, обтянуты зеленой кожей, называемой собирателями шагренью.⁵ В нижней части покрытие усилено дополнительным светло-коричневым куском кожи, сшитым на тыльной стороне. На концах ножен — кожаная бахрома (*сечек*).⁶ На ножнах по две металлические обоймицы, к ушкам которых крепятся кожаные коричневые ремни (кемер) портупеи. Ножны от устья винтообразно обкручены светло-коричневым кожаным ремнем, местами захлестывающим обоймицы.

Туркмены носили сабли на левом боку. Ремни портупеи перекрещивались, соединяясь серебряной бляхой-распределителем (рис. 1; 3, 8) или сплетаясь

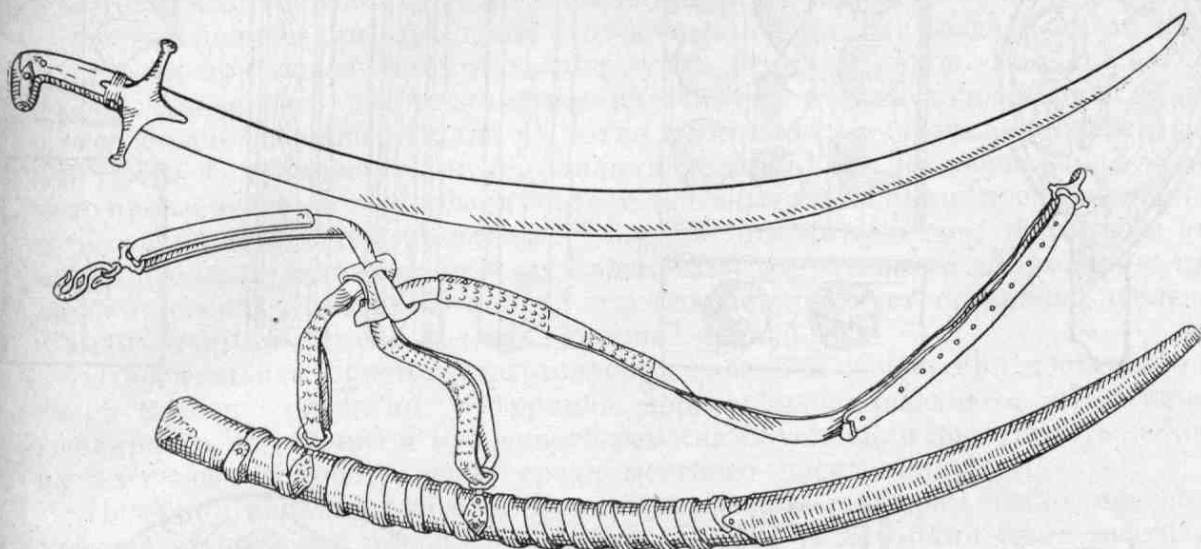

Рис. 2. Туркменская сабля с ножнами (ГМЭ, № 5910-125а, б).

(рис. 2). Портупея перекидывалась через правое плечо, соединяясь на груди S-видной бронзовой литой застёжкой и двумя приемниками из аналогичного материала. При этом одно окончание застёжки было зафиксированным, а другое оставалось свободным. Окончания застёжки оформлялись в виде головы птицы (рис. 3, 6, 7). Способ ношения сабли у туркмен являлся этномаркирующим признаком. По мнению Н. И. Гродекова, «...сами туркмены определяют принадлежность того или иного индивидуума к тому или иному племени по неуловимым для нашего глаза отличиям в способе повязывать саблю...».⁷

Детали декоративного оформления туркменских сабель можно разделить на четыре группы. К первой относятся накладные серебряные штампованные бляшки, украшающие рукояти и ножны (ГМЭ, № 12-90), а также ремни портупеи (№ 12-90; 5910-125:б, рис. 3, 2). Сюда же входят накладные серебряные пластины на ремнях портупеи (№ 5910-125:б). На имеющемся материале по форме возможно выделение двух типов бляшек — округлых и сердцевидных. По рельефу поверхности первый тип подразделяется на два варианта — с гладкой внешней стороной и стороной, разделенной на выпуклые сектора. Пластины представлены одним типом — прямоугольным (№ 5910-125:б). Во вторую группу входят узоры трех типов: штампованный растительный на одной из обоймиц (рис. 3, 1), гравированный геометрический (фон золоченый на распределителе ремней портупеи (рис. 3, 8) и S-видных застёжках последней (рис. 3, 7), а также золоченый растительный на рукояти сабли (рис. 3, 3),

⁵ Дудин С. М. Отчеты о поездках в Среднюю Азию (в 1900—1902 гг.) // Арх. ГМЭ, ф. 1, оп. 2, д. 247, л. 31—32; оп. кол. № 5910-125:аб. О производстве кожи этого типа в Средней Азии см.: Парамонов И. А. О кожевенном производстве в Туркестанском крае // Русский Туркестан. М., 1872. Вып. 2. С. 218—219.

⁶ Вероятно, на ножнах сабли № 5910-125: б бахрома утеряна.

⁷ Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Спб., 1883. Т. 1. С. 84.

выполненный техникой насечки. В третью группу включаются вставки, украшающие распределитель ремней портупеи (красный сердолик, бирюза) (рис. 3, 8) и S-видную застежку портупеи (красное стекло) (рис. 3, 6). Четвертую группу образуют детали сабель, имеющие декоративно-практическую функцию. В дан-

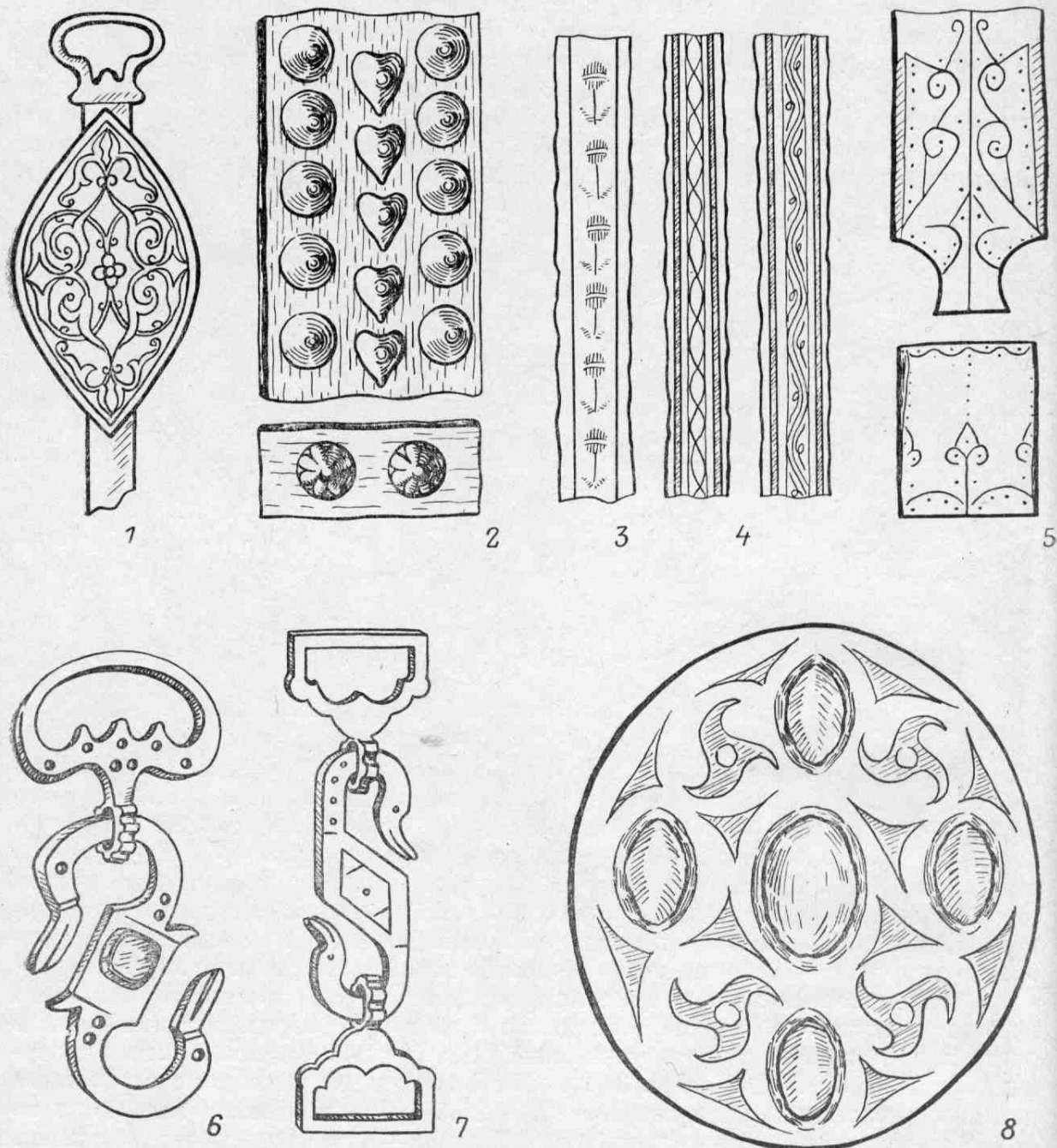

Рис. 3. Орнамент и декоративные элементы туркменского холодного оружия.

1 — обоймица на ножнах сабли (ГМЭ, № 5910-125:6); 2 — бляшки на ремнях портупей сабель (*сверху* — ГМЭ, № 12-90; *снизу* — № 5910-125 : 6); 3 — насечка золотом на рукояти туркменской сабли (ГМЭ, № 5910-125:а); 4 — то же на рукояти йомудского ножа (ГМЭ, № 187-5 : а); 5 — узор на наконечнике пика (МАЭ, № 3113-9); 6 — застежка ремней портупеи сабли с приемником (ГМЭ, № 6847-6/а—б); 7 — то же с двумя приемниками (ГМЭ, № 5910-125:б); 8 — бляха-распределитель ремней портупеи сабли (ГМЭ, № 12-90).

ном случае к ним относится бахрома на концах ножен, а также серебряная проволочная обмотка на рукоятях сабель.

В военной практике туркмены широко использовали сабли местного производства. И. В. Виткевич, совершивший в 30-х гг. XIX в. путешествие в Бухару, говоря о вооружении хивинских воинов, в частности, отмечает: «Сабли были у всех, сабли туркменской и своей работы».⁸ В. Кениг, автор одной из

⁸ Виткевич И. В. Записки о Бухарском ханстве. М., 1883. С. 92.

наиболее полных монографий о текинцах Ахала, сообщает, что местная металлообработка ограничивалась главным образом изготовлением простейшего сельскохозяйственного инвентаря и холодного оружия: наконечников пик, сабель и ножей.⁹ К. Нурмухамедов в числе распространенных ремесел среди мервских и ахальских текинцев выделяет кузнечное, оружейное и ювелирное.¹⁰ О производстве холодного оружия у западных йомудов пишет А. Оразов.¹¹ В то же время некоторые авторы отрицали факт производства туркменами собственного оружия. Так, в литературе высказывалось такое мнение: «Их (туркмен-йомудов. — Ю. Б., В. Я.) кривые сабли хорасанского приготовления по большей части очень дурного качества».¹² С. М. Дудин утверждал, что «...пашки и ножи... туркмен чаще всего персидской работы».¹³ В этой связи необходимо отметить, что, безусловно, туркмены наряду с оружием местного производства широко использовали привозные (трофейные) сабли. Это создает определенные трудности при выделении собственно туркменских клинков. Необходимо учитывать также, что длительные исторические контакты туркменских племен с населением Северного Ирана не могли не привести к взаимовлиянию в военной сфере и, в частности, к унификации оружия. Тем не менее сабли местного производства должны были соответствовать требованиям, предъявлявшимся туркменами к холодному оружию.¹⁴ Следует отметить также, что ярким этномаркирующим признаком являются элементы декоративного оформления туркменских сабель и ножен. В пользу этого свидетельствует сравнение последних с аналогичными видами оружия соседних народов.

Относительная простота изготовления сабель и ножен при достаточно высокой степени развития у туркмен деревообрабатывающего, кожевенного, ювелирного, литейного и кузнечного ремесел обусловили доступность сабель и их массовое распространение среди местного населения.

Неверно, однако, считать, что туркменским мастерам было неизвестно производство сабель высокого качества. В 1987 г. авторами были зафиксированы сведения об изготовлении подобного оружия у туркмен-сарыков Тахта-Базарского р-на Марыйской обл. Туркменской ССР. Данные носят фрагментарный характер и не позволяют представить процесс производства полностью. Тем не менее его отдельные этапы, сохранившиеся в памяти представителей старшего поколения, позволяют судить о высокой степени профессионализма местных кузнецов (*демирчи*, *демир-усса*).

При изготовлении высококачественных сабель полосы железа для очистки от примесей помещали в конский навоз сроком до трех лет, после чего заготовки извлекались. Для дальнейшей обработки использовались части полос, устойчивые против воздействия коррозии. Несколько полос скрывались вместе, образуя клинок сабли. Откованные клинки закаляли на воздухе. Для закалки выбирали время, когда влажность воздуха была максимальной, обычно весной, в пасмурное туманное утро. Сидя верхом на лошади, мастер наносил удары по воздуху раскаленным клинком. Процесс длился вплоть до полного охлаждения изделия. На клинках подобного типа мастер ставил клеймо, означавшее, что он несет ответственность за качество данной сабли. Сабли с клеймами назы-

⁹ König W. Die Achal-Teke. Berlin, 1962. S. 114.

¹⁰ Нурмухамедов К. Промысловое хозяйство туркмен в конце XIX—начале XX в. // Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX—начала XX в. Ашхабад, 1982. С. 125.

¹¹ Оразов А. Хозяйство и культура населения северо-западной Туркмении в конце XIX—начале XX в.: (Ист.-этногр. очерк). Ашхабад, 1972. С. 75.

¹² Туркмены йомудского племени // Военный сборник. Спб., 1872. Т. 83. № 1, С. 78.

¹³ Дудин С. М. Отчеты о поездках в Среднюю Азию. С. 32.

¹⁴ Показательно, что две сабли образца 1895 г., хранящиеся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи Министерства обороны СССР (инв. № 116/553, 116/554), предназначенные в качестве эталона для вооружения рядового и офицерского состава Туркменского конного дивизиона, по своим конструктивным особенностям (длина, кривизна изгиба клинка и др.) аналогичны рассматриваемым туркменским образцам. Хотя сами эталоны были изготовлены иранским мастером, не вызывает сомнения то обстоятельство, что при экипировке данного военного подразделения царской армии выбор пал на то оружие, конструктивные особенности которого были наиболее типичны для туркменской сабли.

вались сарыками *сен талак* 'дать развод', так как в случае их поломки наказанием для мастера-изготовителя являлся развод с женой.

По нормам сарыкского традиционного этикета вынимать хороший клинок из ножен и вкладывать его обратно, не нанеся удара, считалось несовместимым со статусом мужчины-воина. Согласно полевым материалам авторов 1987 г., у текинцев Бахарденского и Геок-Текинского р-нов Ашхабадской обл. Туркменской ССР обращение с саблей также регламентировалось рядом правил. Считалось, что оружие должно висеть в доме, на стене, обращенной к Каабе. Без разрешения хозяина никто, включая родственников, не должен был прикасаться к сабле. Друзья хозяина могли рассматривать оружие в случае, если тот, сняв саблю со стены, подавал ее в ножнах гостям.

У туркмен не имели широкого распространения шашки и слабоизогнутые сабли, одинаково эффективные при нанесении колющего и рубящего ударов, т. е. равным образом пригодные для боя в конном и пешем строю. Крутой изгиб клинка туркменской сабли с полным основанием позволяет рассматривать это оружие как приспособленное для рубки с коня.

Нож (*пычак*) в ножнах (*кеин*) являлся в прошлом обязательным элементом туркменского мужского костюма. Клинки (*тыг*) имеющихся в коллекциях ГМЭ ножей стальные, кованые, однолезвийные, в сечении подтреугольные, прямые, к верхнему концу сужаются, образуя острие. Отработанная режущая кромка, желобки, а также декоративное оформление на ножах отсутствуют. Фактура клинка одного из ножей (ГМЭ, № 12-177) позволяет утверждать, что лезвие было сковано из нескольких полос стали.¹⁵ Общая длина ножа 39, лезвия — 30.2, ширина лезвия 3.7 см.

Сарыкские ножи, совпадающие, по словам ряда информаторов,¹⁶ по форме с салырскими, отличаются от текинских и йомудских менее длинным по отношению к длине рукояти и более широким лезвием.

Стальные лезвия ножей скованы с железными рукоятями (*сан*). К рукоятям тремя заклепками (*берчин*) крепится галстук с выделенным каблуком,¹⁷ а также деревянные (ГМЭ, № 12-177), костяные (ГМЭ, № 187-5/а, 10594-35/1),¹⁸ пластмассовые (инновация) накладки. У йомудского ножа галстук и каблук отсутствуют, накладки крепятся к рукояти двумя заклепками.

По словам ряда информаторов, галстук и каблук ножей, называемых сарыками *гюльбенд*, а текинцами *яглов*, должны были быть изготовлены из меди (*мис*) или бронзы (*бурунч*). Такие ножи считались ритуально чистыми. Ножи без названных деталей старались не использовать, так как мясо животных, зарезанных ножом без галстука и каблука, считалось нечистым (*харам*).¹⁹ Галстуки и каблуки некоторых текинских ножей (ГМЭ, № 12-177; 10594-35/1) сделаны из железа. На рукоятях этих ножей, а также йомудского имеются прокладки из цветного металла. Думается, что наличие описываемых конструктивных деталей указывает на веру в очистительные свойства меди и ее сплавов.

Для окончаний рукоятей сарыкских ножей характерно треугольное в сечении углубление. По словам ряда информаторов, удар ножом наносился сверху вниз. При этом лезвие ножа было обращено к наносившему удар, а большой палец руки последнего упирался в выемку. Подобные ножи с выемкой сарыки использовали также в качестве подставки для дула ружья (*тупен*). Лезвие при этом втыкалось в почву или переднюю луку (*гаиш*) конского седла (*зер*).²⁰

На железной части рукояти йомудского ножа различим золоченый геометрический узор-насечка. Учитывая наличие узора, выполненного в технике

¹⁵ О так называемом несваре, характерном для позднего среднеазиатского холодного оружия, см.: О туземном оружии в Туркестанском крае. С. 213.

¹⁶ Полевые материалы авторов 1987 г. // АЛЧИЭ, ф. К. 1, оп. 2, № 1515.

¹⁷ О названиях конструктивных элементов ножей в Средней Азии см.: Дубов А. И. Производство традиционных ножей. С. 99.

¹⁸ Согласно полевым материалам авторов 1987 г., костяные (*шак*) обкладки рукоятей ножей сарыки делали из рогов горного барана (*таг гоч*).

¹⁹ Полевые материалы авторов 1987 г.

²⁰ Там же.

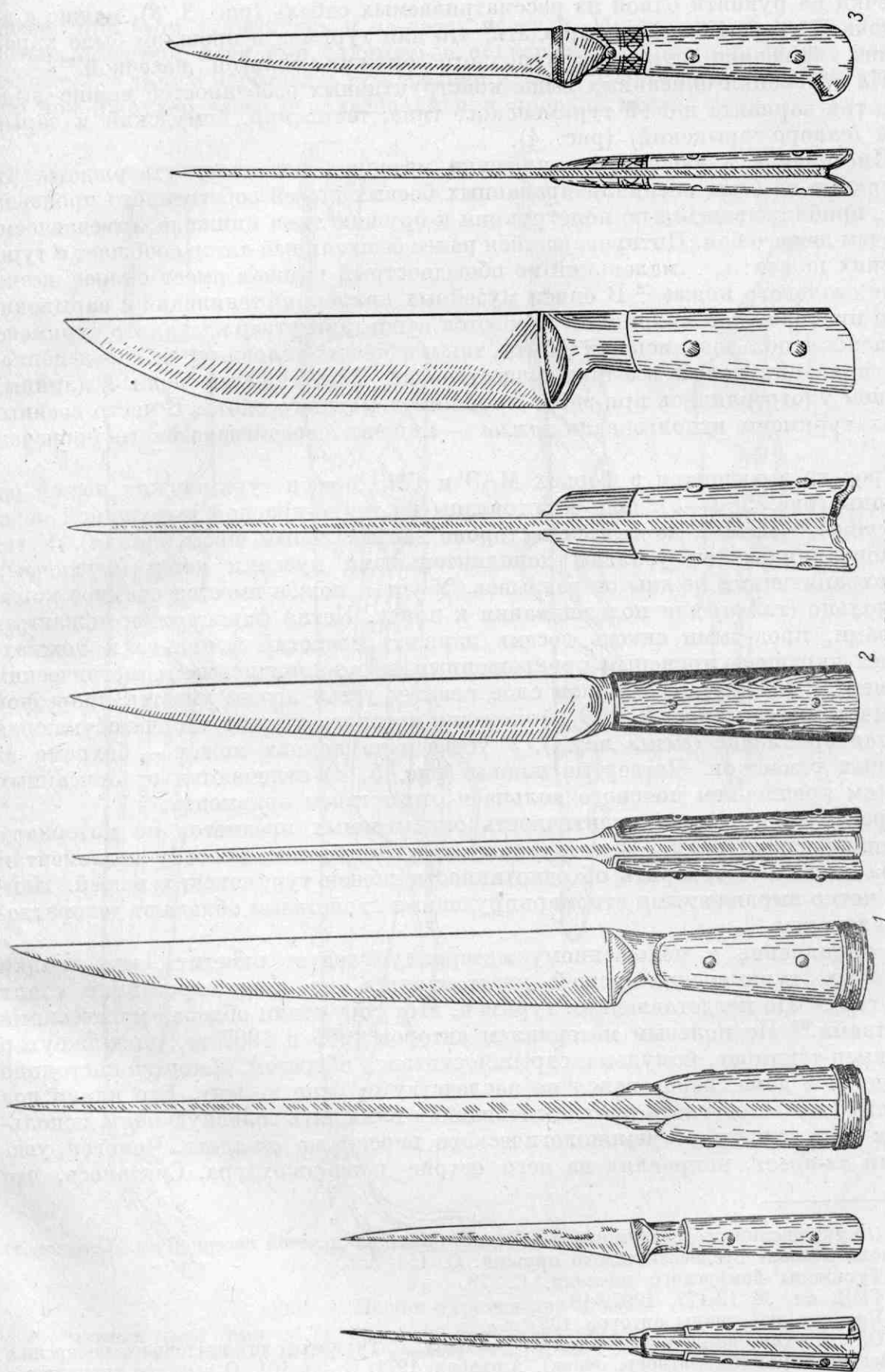

Рис. 4. Туркменские ножи.

1 — ножи текинцев (ГМЭ, № 10594-35/1; 12-177); 2 — нож йомудов (ГМЭ, № 187-5/а); 3 — ножи сарыков (ГМЭ, № 10979-46, 47). Уменьшено в 3 аза.

насечки на рукояти одной из рассматриваемых сабель (рис. 3, 3), можно с достаточной уверенностью утверждать, что для туркмен в прошлом было характерно украшение рукоятей холодного оружия золотой насечкой.²¹

На основании описанных выше конструктивных особенностей можно выделить три варианта ножей туркменского типа: текинский, йомудский и сарыкский (салоро-сарыкский) (рис. 4).

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет утверждать, что у туркмен не было специализированных боевых ножей собственного производства, приближавшихся по конструкции к оружию типа кинжала, отвечающему задачам пешего боя. Цитировавший ранее безымянный автор сообщает о туркменских ножах: «... маленький не обоюдоострый кинжал имеет скорее назначение столового ножа».²² В описи музейных коллекций текинский и сарыкский ножи проходят как кухонные.²³ Имеются основания утверждать, что туркменские ножи использовались как в быту, так и в боевых условиях, но определенная специализация ножей все-таки существовала. Так, тяжелые ножи с длинным лезвием употреблялись при забое крупного домашнего скота. В чисто военных целях туркмены использовали *гамма* — кинжал переднеазиатского производства.²⁴

Трое из имеющихся в фондах МАЭ и ГМЭ ножен туркменских ножей однотипны (рис. 5, 1—3). Они изготовлены из темно-красной выделанной кожи (*телетин*),²⁵ сшитой на тыльной стороне вертикальным швом (*тикин*). Устья и окончания ножен усилены дополнительными кусками кожи (*беркитме*), предохраняющими ножны от разрывов. У устья ножен имеется съемное кожаное кольцо (*халка*) для подвешивания к поясу. Петля фиксируется кожаными шнурами, продетыми сквозь восемь парных отверстий в кольце и ножнах. Ножны украшены тисненым прокрашенным темно-коричневым геометрическим орнаментом (*нагыш*). В верхнем слое кожи у устья ножен имеется прорезной ромбический узор (рис. 5, 2, 3), фоном для которого служит хлопчатобумажная красная прокладка (*гызыл мата*). У устья и на концах ножен — бахрома из кожаных ремешков. Четвертые ножны (рис. 5, 4) отличаются от описанных жестким креплением поясного кольца и отсутствием орнамента.

Практически полная идентичность описываемых предметов по материалу и технике изготовления, конструктивным особенностям, способу и элементам декора позволяет говорить об однотипности ножен туркменских ножей. Наиболее четко выраженными этномаркирующими свойствами обладают декоративные элементы.

В дополнение к изложенному материалу следует отметить, что клинки некоторых туркменских ножей изготавливались из дамаскированной стали (*джоухер*).²⁶ По представлениям туркмен, этот сорт стали обладал магическими свойствами.²⁷ По полевым материалам авторов 1985 и 1987 гг., нож-джоухер у туркмен-текинцев, йомудов и сарыков считался оберегом. *Джоухер* постоянно находился в доме, передавался по наследству от отца к сыну. Его клали под подушку, желая отогнать плохие сновидения или снять головную боль, использовали для защиты от демонологического персонажа *ал-арвах*. Человек, увидавший *ал-арвах*, направлял на него острие ножа-джоухера. Считалось, что

²¹ Об украшении среднеазиатского холодного оружия золотой насечкой см.: Семенов А. Два слова о ковке среднеазиатского оружия. С. 154, 155.

²² Туркмены йомудского племени. С. 78.

²³ ГМЭ, оп. № 12-177, 10979-46.

²⁴ Полевые материалы авторов 1987 г.

²⁵ Об этом типе кожи у туркмен см.: Джикиев А. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря: (Ист.-этногр. очерк). Ашхабад. 1971. С. 96, 101. О выделке туркменами кожи см.: Пиркулиева А. Домашние промыслы и ремесла туркмен долины Средней Амударьи во второй половине XIX—начале XX в. Ашхабад, 1973. С. 69—73.

²⁶ В Государственном объединенном историко-краеведческом музее ТССР (г. Ашхабад) имеется несколько экземпляров ножей-джоухеров в ножнах (инв. № 543, 544 «с», 3367, 3368, 541 «с», 542 «с», 2505).

²⁷ Т. В. Из туркменских народных верований // Закаспийское обозрение. Ашхабад, 1910. № 39. С. 2.

лезвие при этом удлинялось и *ал-арвах* исчезал. Именно верой в способность лезвия *джоухера* невидимо удлиняться объяснялся запрет направлять нож на человека, а также передавать его лезвием вперед. Необходимо отметить также, что нож-джоухер часто использовали при кровной мести.

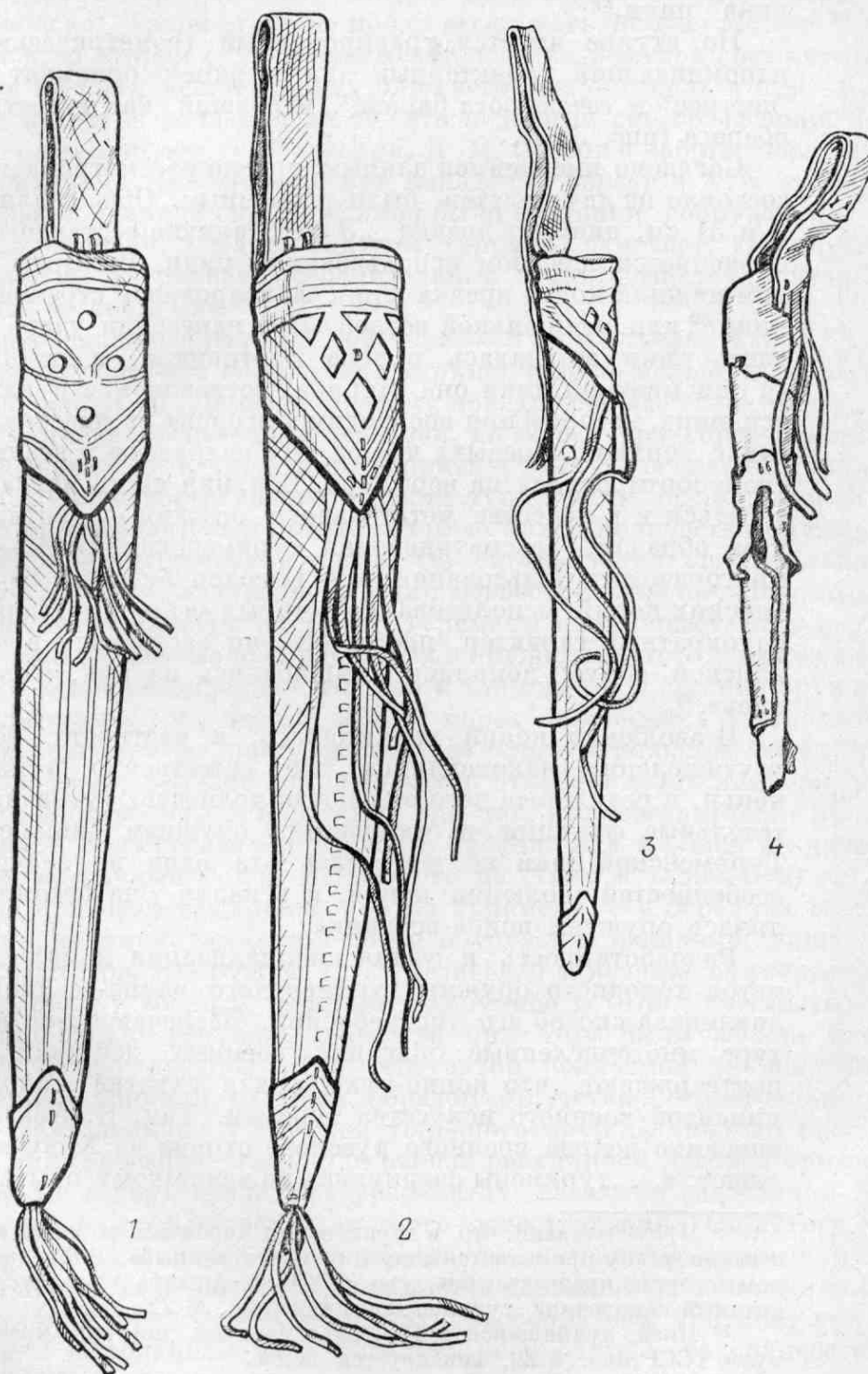
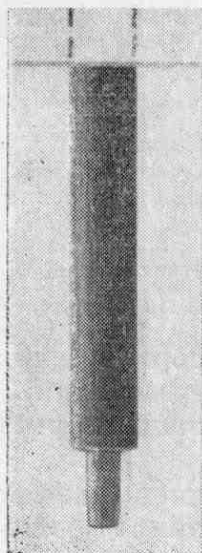
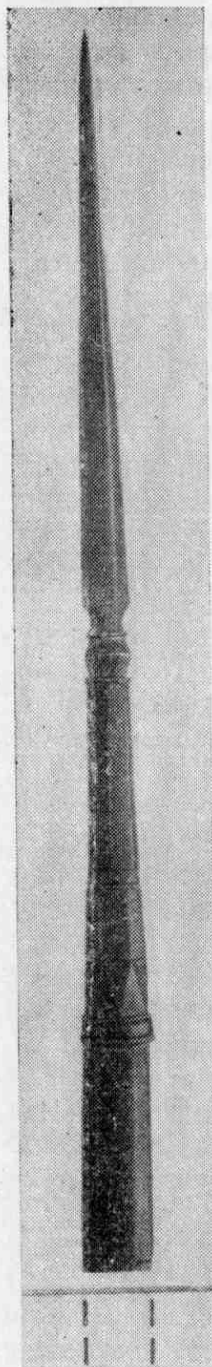

Рис. 5. Ножны туркменских ножей.

1 — текинцев Мерва (ГМЭ, № 12-178); 2 — туркмен Хивы (МАЭ, № 3175-1); 3 — туркменские (ГМЭ, № 12-61); 4 — текинцев Ахала (ГМЭ, № 10594-35/2).

У туркмен существовал оригинальный способ определения сорта стали ножей. Дамаскированные клинки выявляли, разрезая бахчевые (арбузы, дыни). При этом под воздействием сока лезвие ножа темнело и на нем проступали узоры, характерные для дамаскированной стали.

Вторая группа холодного оружия представлена туркменской пикой (*найза*) (МАЭ, № 3113-9; рис. 6). Наконечник пики железный, кованый, его длина 37.5 см.

Древко (*сан*) деревянное. Перо наконечника узкое, четырехгранное,²⁸ плавно переходит в малое шестигранное яблоко, практически совпадающее с общим абрисом наконечника. У края втулки-насада — отверстие для фиксации наконечника пики.²⁹

На втулке имеется гравированный геометрический узор, напоминающий характерный для туркмен орнамент *аладжа* 'пестрое' и *гочак* 'рога барана', игравший, как известно, роль оберега (рис. 3, 5).

Согласно имеющимся данным, древко рассматриваемой пики состояло из двух частей, было разъемным. Общая длина пики 2 м 31 см, диаметр древка 2.5 см. Наличие составного древка объясняется способом использования пики. В боевом положении нижний конец древка пики фиксировался стремением всадника³⁰ или специальной петлей. При нанесении удара верхняя часть пики оставалась в теле противника, а нижняя часть (у описываемой пики она утеряна) оставалась в руках воина-всадника, который при необходимости снова ее надставлял³¹ — запас верхних (боевых) частей пик находился у всадника или транспортировался на верблюде. Верхняя часть могла использоваться и в качестве метательного оружия — дротика.³² Таким образом, рассматриваемая туркменская пика — оружие многоразового пользования, что выгодно отличает ее от европейских копий, использование которых «в большей мере носило однократный характер, после чего они застревали в доспехах, конской сбруе, ломались, вышибались из рук, даже бросались».³³

В эволюции копий наблюдалась, в частности, тенденция к утяжелению наконечников, что, естественно, утяжеляло и копьё, в результате чего они почти полностью утрачивали метательные функции и становились оружием ближнего боя.³⁴ Туркменской пики не коснулась эта одна из значительных особенностей эволюции копий, и в целом она несомненно являлась оружием воина-всадника.

Разработанность и узкая специализация комплекса предметов холодного оружия туркменского воина-всадника обуславливала способ его употребления. Встречающиеся в литературе многочисленные описания военных действий туркмен подтверждают, что конно-рукопашная схватка являлась доминантой военного искусства туркмен. Так, К. Абаза, давая описание похода военного русского отряда на Хиву в 1873 г., пишет: «...туркмены свернулись по азиатскому обычаю в тем-

²⁸ Примечательно, что в туркменском героическом эпосе «Гер-оглы» к наконечнику применяется эпитет «четырёхгранный». В Гос. объединенном историко-краеведческом музее ТССР (г. Ашхабад) хранится четырехгранный наконечник туркменской пики (инв. № 22).

²⁹ Пика, хранящаяся в Гос. объединенном историко-краеведческом музее ТССР (инв. № 22), фиксируется чекой.

³⁰ В 1987 г. в Тахта-Базарском р-не Марыйской обл. ТССР авторами было зафиксировано железное кованое стремя, к дужке которого была горизонтально прикреплена железная петля. По словам информаторов-сарыков, она использовалась для упора древка пики или боевого знамени (*байдак*).

³¹ По устному сообщению Ермолова Л. Б.

³² Полевые материалы авторов 1987 г.

³³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л., 1971. Вып. 3. С. 66.

³⁴ Ермолов Л. Б. Эволюция копья // Культурные процессы в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Ереван, 1982. С. 126.

Рис. 6. Туркменская пика (фрагмент верхней части) (МАЭ, № 3113-9).

ную тучу и с криком ур! ур! стали кидаться, повторяя атаку за атакой».³⁵ Хивинский хронист XIX в. сообщает следующее: «Особый обычай йомудов заключается в том, что каждый раз, когда натиск врага ставит их в тяжелое положение, они выстраивают свои ряды и со знаменами бросаются в атаку. Более ожесточенного натиска не в состоянии произвести какое-либо другое (войско). Такой атаки не может выдержать ни одна армия».³⁶ Как в первом, так и во втором случае описывается атака йомудов сомкнутым строем, основанная на применении оружия ближнего боя — сабель и пик. В литературе имеются и другие указания на то, что подобный способ ведения боя являлся излюбленным приемом туркмен. Так, Д. М. Овезов в работе, посвященной туркменам-гокленам, отмечает, что при нападении персов в XIX в. на Кара-Калу «... основной ударной силой туркмен были всадники, вооруженные саблями».³⁷ А. Н. Самойлович, касаясь тактики туркмен, замечает: «Во время главного боя туркмены устраивают стремительные атаки, действуя главным образом пашками и копьями».³⁸

Оружие дальнего радиуса действия — лук и стрелы, а в XIX в. — огнестрельное оружие — в вооружении туркмен играло меньшую роль, чем оружие ближнего боя. П. И. Демезон по этому поводу сообщает следующее: «Туркмены почти все имеют собственных лошадей, но зато у них гораздо меньше ружей, чем у узбеков».³⁹ Вряд ли можно говорить о том, что основной причиной малого использования огнестрельного оружия туркменами была высокая его стоимость на среднеазиатском рынке, а также малое количество оружейных мастеров в местной туркменской среде. Об употреблении огнестрельного оружия у йомудов имеются следующие данные: «Огнестрельное оружие имеют туркмены далеко не все. Несмотря на то что туркмены преимущественно разбойники по ремеслу, они на деле мало обращаются с оружием, оттого у них не образовалось привычки и доверия предпочтительно к той или иной системе оружия. Патрон-ташей или хазырей у туркмен нет. . . порох помещается в пороховнице. . . то и другое вешается на пояс, вследствие этого зарядание очень медленно».⁴⁰ Отсутствие огнестрельного оружия автор отмечает у тех лиц, которые занимались аламаном (военными набегами), т. е. тех, кто действительно имел реальную возможность получить его или в виде трофея, или в обмен на добычу. Абаза, описывая неудачный поход Перовского на Хиву в 1839—1840 гг., сообщает: «... из-за пригорка выскочила партия туркмен. . . у передних всадников торчали длинные пики, остальные были вооружены пашками, лишь у немногих висели сзади тяжелые ружья. . .».⁴¹ Приведем замечание офицера генерального штаба по поводу военных действий под Хивой в 1873 г.: «Ханство защищали, собственно, только туркмены, которые при этом были весьма плохо вооружены».⁴² Можно предположить, что автор докладной записки под плохим вооружением понимал главным образом отсутствие огнестрельного оружия, так как факт наличия у туркмен холодного оружия вряд ли рассматривался автором как серьезная угроза для отряда регулярной русской армии. События, описываемые в двух последних фрагментах, касаются завоевания Хивинского ханства, когда стоял вопрос о самом его существовании. Отсутствие у туркменских отрядов, которые были наиболее боеспособными частями войска хана, в период наивысшей опасности для ханства достаточного количества огнестрельного оружия скорее можно объяснить своеобразием тактики, чем невозможностью или нежеланием хана выделить необходимое его количество для обо-

³⁵ Абаза К. К. Завоевание Туркестана. Спб., 1902. С. 196.

³⁶ Материалы по истории туркмен и Туркмении М.; Л., 1938. Т. 2. С. 368.

³⁷ Овезов Д. Н. Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад, 1976. С. 38.

³⁸ Самойлович А. Н. Абду-с-Саттар-казы (= Книга рассказов о битвах текинцев). Пг., 1914. С. 135.

³⁹ Демезон П. И. Записки о Бухарском ханстве. М., 1983. С. 72.

⁴⁰ Туркмены йомудского племени. С. 78.

⁴¹ Абаза К. К. Завоевание Туркестана. С. 33.

⁴² Докладная записка полковника Генерального штаба А. Глуховского № 12 от 9 июля 1873 г. // Россия и Туркмения в XIX в. Ашхабад, 1946. С. 74.

роны Хивы. В целом можно отметить, что довольно ограниченное использование туркменами огнестрельного оружия не повлияло на традиционную военную тактику туркмен, в основе которой лежало действие воинов-всадников. Привлечение больших масс пехоты у туркмен всегда носило вынужденный характер и осуществлялось, когда для отражения противника требовалось напряжение сил всего родоплеменного коллектива.

Основополагающие принципы тактики туркмен находят свои аналогии в тактике сарматов, повлиявших на этногенез туркменского народа. В частности, А. А. Росляков считает, что туркмены являлись наследниками военного искусства сарматов.⁴³ В современной литературе утвердилось мнение, что тактику сарматов составлял ближний конный бой.⁴⁴ Мнение это не расходится с точкой зрения античных авторов. По словам Тацита, «сарматы, не используя луков, которыми владеют слабее парфяны, устремляются на них с длинными копьями и мечами, и враги то сшибаются и отталкиваются назад, то, как в рукопашной схватке, теснят друг друга напором тел и оружия».⁴⁵ Преобладание в тактике сарматов ведения боя копьем и мечом не является характерным лишь для катафрактариев — воинов специализированной тяжелой конницы. Особо важно в этой связи сообщение Страбона о преобладании в войске роксаланов копья, так как сведения эти касаются легковооруженной конницы сарматов еще до появления катафрактариев.⁴⁶ По вопросу о роли пехоты в войске сарматов в литературе нет единодушного мнения. Существуют две точки зрения, резко расходящиеся в оценке роли пехоты у сарматов: более ранняя, А. А. Рослякова, об очень большом значении пехоты⁴⁷ и вторая точка зрения, согласно которой «пехота имела лишь вспомогательное значение и, вероятно, вербовалась из самых неимущих слоев сарматского общества».⁴⁸

Несомненно, что на формирование комплекса вооружения и военной тактики туркмен оказали влияние и древние тюрки, а позднее — татаро-монголы.

На основании изложенного можно заключить, что комплекс предметов холодного оружия туркмен был приспособлен для ведения боя воином-всадником. Действие отрядов вооруженных всадников являлось доминантой традиционной военной тактики туркмен. Представляется также, что отдельные конструктивные элементы и орнаментика, характерные для рассматриваемого туркменского оружия, являются этномаркирующими. Введение в научный оборот описательных характеристик холодного оружия туркмен может способствовать изучению военного дела народов Средней Азии и Казахстана.

⁴³ Росляков А. А. Основные черты военной системы азиатских степняков // Изв. Туркм. фил. АН СССР. 1951. № 2. С. 24.

⁴⁴ Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 59.

⁴⁵ Тацит Корнелий. Анналы. Л., 1969. С. 35.

⁴⁶ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 44.

⁴⁷ Росляков А. А. Основные черты военной системы. . . С. 12.

⁴⁸ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. С. 86.